

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аожигэлэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
arglxky@gmail.com*

После Второй мировой войны новые национальные государства Юго-Восточной Азии, столкнувшись с двойными вызовами колониального наследия и нациестроительства, повсеместно приняли экономическую политику, основанную на принципе «приоритета коренного населения», что привело к системному исключению китайской диаспоры. После 1980-х гг., в условиях экономической глобализации и подъема Китая, торговые сети китайских предпринимателей в регионе были переоценены, однако их экономический успех также спровоцировал новый виток этнической напряженности. В то же время, столкнувшись с политикой принудительной ассимиляции и культурного подавления, китайская диаспора сохранила свою этническую идентичность через общественные организации и культурные инновации, постепенно расширив участие от экономической сферы до политической и завершив трансформацию от «маргинализированной группы» до «участника политической системы». В статье, исследуя исторические изменения социального статуса китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны, основное внимание уделяется эволюции ее стратегий в трех аспектах: экономическая адаптация, культурная трансформация и политическое участие. Результаты исследования показывают, что развитие китайской диаспоры отражает не только адаптивные инновации транснациональных этнических групп, но и сложное взаимодействие межэтнических отношений в эпоху глобализации, что имеет важное значение для понимания моделей управления в многоэтнических государствах.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия; китайская диаспора; хуажэнь; антикитайские выступления; общественные организации; этническая идентичность.

EVOLUTION OF ECONOMIC, CULTURAL AND POLITICAL STRATEGIES OF THE CHINESE DIASPORA IN SOUTHEAST ASIA AFTER WORLD WAR II

Aoeigele

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, arglxy@gmail.com*

After World War II, the new nation-states of Southeast Asia, faced with the dual challenges of colonial legacy and nation-building, adopted economic policies based on the principle of «indigenism first», which led to the systemic exclusion of the Chinese diaspora. After the 1980s, with economic globalization and the rise of China, the trading networks of Chinese entrepreneurs in the region were re-evaluated, but their economic success also provoked a new round of ethnic tensions. At the same time, faced with policies of forced assimilation and cultural suppression, the Chinese diaspora maintained its ethnic identity through social organizations and cultural innovations, gradually expanding its participation from the economic to the political sphere, and completing the transformation from a «marginalized group» to a «participant in the political system». This article examines the historical changes in the social status of the Chinese diaspora in Southeast Asia after World War II, focusing on the evolution of its strategies in three aspects: economic adaptation, cultural transformation and political participation. The results of the study show that the development of the Chinese diaspora reflects not only the adaptive innovations of transnational ethnic groups, but also the complex interaction of interethnic relations in the era of globalization, which has important implications for understanding the governance patterns of multi-ethnic states.

Keywords: Southeast Asia; Chinese diaspora; Huaren; anti-Chinese protests; public organizations; ethnic identity.

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии (хуажэнь) относится к натурализованным гражданам китайского происхождения, сохраняющим китайскую культурную идентичность и признаваемым местным большинством

как этническая китайская община. Это определение также включает потомков китайских мигрантов с высокой степенью ассимиляции. Профессор Чжуан Готу в работе «Изменения социального статуса китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны» определяет их как «устойчивую социальную группу, состоящую из китайских мигрантов и их потомков, сохраняющую китайскую идентичность» [1, с. 54].

Юго-Восточная Азия как географический регион на протяжении последних пяти столетий переживала масштабные миграционные процессы, но не сформировала единой «юго-восточноазиатской» идентичности. Регион демонстрирует сложную картину сосуществования и конфликта мультикультурализма, где такие факторы, как взаимодействие восточных и западных цивилизаций, этническое разделение, религиозная адаптация, языковые барьеры и классовые противоречия, могут служить потенциальными катализаторами националистических тенденций.

Процесс строительства национальных государств в Юго-Восточной Азии носил выраженный экзогенный характер, являясь преимущественно продуктом движений за независимость под колониальным давлением. Примечательно, что эти новые национальные государства изначально столкнулись с проблемой незавершенной национальной интеграции – отсутствия единой национальной идентичности среди граждан, что заложило основу для последующих сепаратистских движений. В этих особых исторических условиях сформированные государства Юго-Восточной Азии имели явно нестабильную экономическую основу.

«На первом этапе экономического развития китайской диаспоры в послевоенный период (конец 1940 х – конец 1970 х гг.) правительства последовательно вводили ограничительные меры: на Филиппинах был провозглашен курс «Филиппинцы прежде всего» (1958); ему предшествовал «Закон о национализации розничной торговли», а позднее последовал «Закон о национализации рисовой

и кукурузной промышленности» [2], что вызвало резкие протесты китайской общины против дискриминационной политики [3, р. 82–84]; Лаос в 1960 г. ввел «Декрет о запрете иностранцам заниматься 12 видами деятельности»; Малайзия в 1971 г. запустила 20-летнюю «Новую экономическую политику», предоставляющую малайцам привилегии в экономической сфере; Мьянма в 1948–1960 гг. проводила национализацию предприятий; Таиланд с 1949 г. ввел «Положение о зарезервированных профессиях», к 1960 г. их число достигло 17; Индонезия в 1950 г. инициировала «Программу опорных отраслей», в 1957–1959 гг. последовательно издала «Закон об индонезизации 15 видов промышленности», «Закон о найме иностранцев» и президентский указ № 10, ограничивающий розничную торговлю; режим Южного Вьетнама в 1948–1956 гг. также ввел ряд ограничений на предпринимательскую деятельность иностранцев [4, с. 115].

На втором этапе (после 1980-х гг.) политико-экономическая ситуация в Юго-Восточной Азии значительно изменилась. Политика реформ и открытости Китая создала огромные региональные экономические возможности, и китайские предприниматели в Юго-Восточной Азии, используя свои уникальные коммерческие сети, добились быстрого развития. Это повышение экономического статуса в большинстве стран (кроме Сингапура) вызвало резкую реакцию титульных наций, и некоторые политики сделали защиту экономических интересов коренного населения своим политическим требованием, что еще больше обострило межэтнические противоречия.

В этом контексте некоторые китайские предприятия приняли стратегии совместного предпринимательства с предпринимателями из числа коренного населения или политического рентоориентированного поведения, что, хотя и было адаптивным выбором в конкретных условиях, привело к обвинениям китайского бизнес-сообщества в коррупции. Эта стигматизация в конечном итоге вы-

лилась в насильственные инциденты против китайской общины, такие как майские беспорядки 1998 г. в Индонезии [5]. Чтобы справиться с кризисом выживания, китайцы Юго-Восточной Азии создали разветвленную сеть социальных организаций. Эти гражданские группы, целью которых была взаимопомощь и развитие, не только укрепили сплоченность общины, но и стали важной социальной силой, связывающей Китай и Юго-Восточную Азию. В культурной сфере, несмотря на политику принудительной ассимиляции в некоторых странах (например, полный запрет китайского образования, китайских СМИ и традиционных праздников в Индонезии во времена Сухарто), китайская культурная идентичность, напротив, укрепилась. С 1970-х гг. активизировалась деятельность транснациональных китайских организаций, таких как Всемирная конференция хакка (1971 г.) и Международная конференция теоцзю (1981 г.) [4, с. 115]. После 1990-х гг. такие мероприятия постепенно стали проводиться в самом Китае, что отражает растущее влияние Китая в делах зарубежной китайской диаспоры.

Политическое участие стало важным способом противодействия национализму для китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии. В таких странах, как Сингапур и Малайзия, китайцы пользуются полными политическими правами; Индонезия через политические реформы предоставила китайцам больше возможностей для участия в политике, некоторые даже занимают должности в местной администрации [6]. Согласно данным, количество государственных служащих китайского происхождения в Малайзии увеличилось с 18 человек в 2008 г. до 61 человека в 2009 г., а генеральный секретарь Демократической партии действий Лим Гуан Энг в 2008 г. был избран главным министром Пенанга [7]. Эта трансформация от «экономической элиты» к «политическим участникам» свидетельствует о значительном повышении политической зрелости китайской общины.

Таким образом, в экономическом измерении китайские предприниматели Юго-Восточной Азии должны, основываясь на общенациональных интересах, достигать взаимовыгодного сотрудничества через межэтническое взаимодействие. Это является фундаментальным путем для разрешения экономического национализма. В культурной сфере китайская диаспора через локализованные инновации реализовала модернизацию китайской культуры, оказывая существенное влияние на культурное развитие стран проживания. На политическом уровне, благодаря усилиям нескольких поколений, китайская диаспора Юго-Восточной Азии завершила трансформацию из экономической группы в политическую общность, обеспечив устойчивое развитие этнической группы через институциональное участие. Этот путь доказывает, что коренные интересы зарубежных китайцев всегда неразрывно связаны с развитием стран их проживания.

Библиографический список

1. 庄国土. 二战以后东南亚华族社会地位的变化 / 庄国土 = Чжуан Готу. Изменение социального статуса китайцев Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны / Чжуан Готу. – 厦门 = Сямэнь : 厦门大学出版社 = Изд-во Сямэнь. Ун-та, 2003. – 510 с.
2. An Act Limiting the Right to Engage in the Rice and Corn Industry to Citizens of the Philippines, and for Other Purposes : Republic Act. 2 August 1960, N 3018 // Lawphil. – URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra1960/ra_3018_1960.html (date of access: 23.05.2025).
3. Abinales, P. N. State and Society in the Philippines / P. N. Abinales, D. J. Amoroso. – Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – 417 p.
4. 梁英明. 东南亚华商与经济民族主义 / 梁英明 = Лян Инмин. Китайские бизнесмены и экономический национализм в Юго-Восточной Азии / Лян Инмин // 华侨华人历史研究 = Исследования истории зарубежных китайцев. – 2016. – Т. 28, № 3. – С. 115–118.
5. 印尼1998排华暴乱周年：海外印尼华人的历史创伤与身份认同 = Годовщина антикитайских беспорядков 1998 г. в Индонезии: историческая травма и идентичность китайских индонезий-

цев, проживающих за рубежом // BBC News 中文 = BBC на китайском. – 27.05.2024. – URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-69065344> (дата обращения: 24.05.2025).

6. 曹云华. 东南亚华人政治参与的现状、特点与趋势 / 曹云华, 冯悦 = Цао Юньхуа. Текущая ситуация, особенности и тенденции политического участия китайцев в Юго-Восточной Азии / Цао Юньхуа, Фэн Юэ // 东南亚研究 = Исследования Юго-Восточной Азии. – 2020. – Т. 32, № 4. – С. 122–139.

7. 东南亚华人参政现状简述 = Краткий обзор текущей ситуации с участием китайцев в политике Юго-Восточной Азии // 百度文库 Baidu Wenku. – 04.05.2015. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/a58ea91fddccda38366baf28> (дата обращения: 23.05.2025).